

УДК 94(47)083 + 281.93

М.В. ПЕРШИНА

**О МЕТОДАХ СБОРА ИНФОРМАЦИИ СИМЕОНОМ ГАВРИЛОВЫМ
ДЛЯ РОДОСЛОВИЯ 1896 г.***Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: masha@perchine.com

Статья посвящена анализу старообрядческого Родословия, составленного в 1896 г. на Русском Севере северодвинским филипповским писателем Симеоном Гавриловым. Показано, что основным источником Родословия стали устные рассказы местных жителей, собранные в ходе специально организованного опроса, который проводился в соответствии с заранее составленной «исследовательской программой». Анализ сочинения позволил сделать вывод о том, что старообрядец уделил большое внимание этапу сбора информации для сочинения, выработал методику опроса информаторов и определения достоверности сообщаемых сведений. Эта «исследовательская программа» была последовательно реализована.

Ключевые слова: старообрядчество, исторические сочинения, Родословие, источники устного происхождения.

Объявив себя хранителями «древлего благочестия», старообрядцы мастерски сумели вписать историю своих согласий в поток мировой христианской истории, поэтому письменная фиксация событий, связанных с конкретной старообрядческой общиной и жизнью отдельных ее представителей, приобрела для них особую значимость [1]. Защитниками старого обряда было создано большое количество исторических сочинений. Отдельным жанром исторического повествования стали старообрядческие родословия. В родословиях, написанных с целью прославления своей веры, главное внимание уделялось описанию линии передачи «благочестия» от одного наставника к другому [2; 3].

Среди сочинений такого рода четыре родословия, составленные на Русском Севере в последней четверти XIX в.¹, занимают особое место. Они создавались в связи с переходом части северодвинских старообрядцев федосеевского согласия в филипповское, ориентированное на московский центр – Братский двор, и

писались специально для Москвы как исследование «корня веры» местных общин. Первое Родословие (1879 г.) создавалось по заказу духовных отцов Братского двора, которым для определения правил чинопоема северодвинцев понадобились сведения об особенностях их вероучения. Следующие три Родословия (1886, 1893 и 1896 г.) были написаны по инициативе местных старообрядцев и северодвинского наставника Симеона Гаврилова [4; 5].

Основным источником этих Родословий стали устные рассказы местных жителей, в памяти которых еще были живы образы прежних духовных отцов. По наблюдению Н.С. Гурьяновой, исследовавшей особенности исторического повествования писателей выговской литературной школы, личная осведомленность автора или его информатора об описываемых событиях считалась одним из главных критериев «правдивости» и достоверности зафиксированных исторических сведений: «Выговцы считали, что можно доверять сообщениям в том случае, когда о фактах пишут либо сами участники события (“от зренья очес”), либо кто-то с их слов (“от слышания свидетелей известных, возвещением достоверствуется”))» [1, с. 40]. Авторы Родословий явно основывались на этом принципе.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-0035 а.

¹ БАН. Собр. Дружинина. № 509, 510.

Сообщения местных жителей, оформленные в виде отдельных «Показаний», каждое из которых было получено от одного или нескольких информаторов, стали основной структурной единицей Родословий.

Готовясь к написанию старообрядческого Родословия 1896 г.², его составитель Симеон Гаврилов заранее разработал «исследовательскую программу», в соответствии с которой собирался проводить опрос местных жителей. В предисловии к сочинению он изложил принципы, положенные в основу его работы с информаторами, и подвел теоретическую базу под свое «исследование». Все это не только делает Родословие 1896 г. уникальным источником по истории старообрядчества Русского Севера, но и позволяет уточнить представление старообрядцев конца XIX в. о специфике работы с устными источниками, а также восстановить подготовительный этап сбора сведений, предшествующий написанию исторического сочинения.

Родословие 1896 г. охватывает обширную территорию: его составитель побывал в Архангельском уезде, на Пинеге, Выгу, Каргополье. Автор точно фиксировал дату записи каждого «Показания», поэтому можно получить представление о времени, в течение которого он собирал информацию. Путешествие северодвинского писателя по Русскому Северу продолжалось восемь месяцев (с марта по октябрь 1896 г.). За это время он записал со слов местных жителей 90 «Показаний».

В предисловии к Родословию автор отметил, что, несмотря на то, что сам был старообрядцем и мог быстро входить в доверие к местным жителям, при беседах с информаторами он встретился с определенными трудностями: «Бывало, приду к старику или к старухам, выпрошусь начевать Христа ради, как бутто-бы какой-либо богомолец, шествующий по монастырям. И когда пустят начевать, тогда кое-как поразговорюся да поприобглаголюся и буду разводить разговоры про прежняя пустыни, да про прежних христиан, да про согласия, да про правителей духовных. И некоторыя с простоты и дивняжно поскажут. Но только то по большей части препятствовало, егда я словесно с ними говорю, то они и сказывают, а когда я выну из кармана памятную книжечку и буду, замечавши, записывать, то они тогда, мои собеседники, и испугаются! И заперепахтываются промежду себе, да некоторыя мне и зачнут говорить: "...Мы о тебе сомневаемся, опасаемся весьма, не пиши про нас ничего, и не знаем мы ничего"» (л. 58–58 об.).

Из этого сообщения следует, что Симеон Гаврилов легко вступал в диалог со староверами, но при попытке записать их рассказы, ситуация менялась. Староверы начинали подозревать, что «богомolec, шествующий по монастырям», подослан миссионерами или начальством и записывает сведения для передачи представителям власти. Тем не менее, как отметил автор далее, некоторые информаторы с пониманием отнеслись к его подвижническому труду и дали разрешение на запись своих слов. В этом случае Симеон Гаврилов не

только старался сразу же записывать их рассказы, но и уточнять их, зачитывая информаторам записанное: «И, написавши, я прочитывал сказителям моим, и кое-что еще попридобавляли они» (л. 59).

Завершая характеристику своей работы по сбору информации от местных жителей, автор совершенно справедливо отметил, что в его записи вполне могли попасть и неточные сведения, поскольку ошибаться могли и сами информаторы: «А все ли будет справедливо, об етом оставляю единому сердцеведцу Богу ведати и судити» (л. 56 об.). Выяснить, насколько сообщения местных жителей соответствовали действительности, было достаточно сложно. Тем не менее Симеон Гаврилов попытался решить и эту проблему. Одним из главных критериев достоверности для него стал повтор одной и той же информации местными жителями независимо друг от друга. В предисловии он пишет: «Я грешным мнением своим располагаю так, что аще об чем-либо об котором об одном деле многия "Показания" между собою согласны обрящутся, то должно быть верно и справедливо есть показания» (л. 57). Действительно, все 90 «Показаний» характеризуются наличием повторов, автор не исключал их, а наоборот акцентировал на них внимание читателей.

Совсем иначе Симеон Гаврилов относился к противоречивой информации, которую старался не включать в «Показания», поскольку считал ее недостоверной: «Понеже они старики и старухи. Тот – то сказывает, а другой – другое сказывает, а третий что-нибудь свое же. И долго в одно то слово не примирятся. И аще примирятся воедино, то писал, а об котором они и сами не дознают, того я не писал» (л. 57). Отметив, что в сочинение включена далеко не вся информация, полученная от местных жителей, в частности, исключены противоречивые высказывания, составитель явно попытался подчеркнуть, что он записывал только точные сведения. Однако в действительности эта фраза подразумевает, что составитель Родословия мог умалчивать не только о некоторых сомнительных, с его точки зрения, фактах, но и о тех, которые не вписывались в его концепцию распространения «истинной веры» на Русском Севере. Это был типичный прием старообрядческого исторического повествования [6, с. 94; 7, с. 110]³.

Кроме характеристики принципов отбора сообщаемых сведений, Симеон Гаврилов в предисловии к сочинению представил и своеобразную «исследовательскую программу» в соответствии с которой проводился опрос старообрядцев. Список вопросов, которые составитель Родословия задавал местным жителям, начинался так: «Вопросы мои почти везде первья были о пустынных жителях и откудова корень, тамо произошло христианское благочестие» (л. 57). Из этого вопроса следует, что самой важной для Симеона Гаврилова была проблема «корня веры» в старообрядческих поселениях. Он постарался проследить линию передачи «древлего благочестия» и выяснить, имели ли местные духовные отцы в прошлом какую-либо связь с Выговской пустыней в ранний период

² БАН. Собр. Дружинина, № 510. Далее ссылки на листы этой рукописи указаны в тексте в круглых скобках.

³ Подобный прием умолчания использовался и выговскими писателями XVIII в. при написании исторических сочинений.

ее существования или соловецкими страдальцами. Для защитников старого обряда в конце XIX в. такая связь могла послужить безусловным доказательством благочестивости «корня веры».

Второй вопрос был сформулирован следующим образом: «Сколько и где было нетленных, по пустыням спасаемых, после Никоновы перемены?» (л. 57). Нетленность была одним из признаков святости прежних отцов и еще одним важным критерием истинности «корня веры», поэтому в своем «исследовании» составитель Родословия уделил внимание рассказам о чудесах. В контексте этой «исследовательской программы» логичным представляется и третий вопрос: «А третья вопросы мои были, когда каким пустыням разорения и уничтожения» (л. 57). Автора интересовали не только даты разрушения скитов (как правило, их старообрядцы сообщали весьма приблизительно), но и воспоминания о столкновениях с начальством, воинскими командами и о самосожжениях, которыми богата история Русского Севера. Особенно ценными оказались для него дошедшие предания о «гарях», поскольку пострадавшие староверы считались мучениками за веру.

Большое внимание в Родословии уделено важной для беспоповцев проблеме заключения браков. Автор, филипповец-«безбрачник», попытался выяснить, когда на Русском Севере староверы стали терпимо относиться к бракам: «Когда, в которых странах зачались неправильно приниматися новожены в церковь Христову?» (л. 57). Последний, пятый вопрос был посвящен выяснению связей староверов Русского Севера со старообрядцами Москвы и Петербурга: «С кем и с которым согласиём имели они сообщение в Питере и в Москве, с какими именно по названию моленнами и с какими, именующимися христианами, филипповыми и федосеевыми?» (л. 57). В заключение автор отметил, что в зависимости от знаний и информированности местных жителей задавал им и другие вопросы: «И прочее кое-чего вопрошал» (л. 57).

Наличие «исследовательской программы», которая включала заранее продуманные вопросы, помогало Симеону Гаврилову направлять беседы с местными жителями в нужное ему русло и получать ответы информаторов на эти вопросы, что сделало текст сочинения стройным и логичным. На примере анализа текста одного из «показаний» попытаемся показать, как этот замысел был реализован на практике. Для этого обратимся к «Показанию 45-му», записанному со слов пинежского «старичка» Алексея Ананьича Федорова из д. Летопада. Оно начинается с изложения информации о пустынях «на хребте», расположенных между р. Северной Двиной и р. Пинегой. По-видимому, информатор не располагал конкретными сведениями о связях пустынножителей с Соловецким монастырем и Выгом, но он считал нужным подчеркнуть преемственность веры местных старообрядцев от «древлего благочестия»: «Пустыня по Юрасу в Верхюлье на хребте началась от самага благочестия» (л. 145). Далее он уточнил: «А в нашей памяти я слышал, ета пустыня была филиппова согласия. Так те пустынники и по допросам в судах судиям себя сказывали филиппова согласия» (л. 145).

Как мы уже отмечали, Симеон Гаврилов, проводивший опрос, ранее присоединился к филипповскому согласию, и текст Родословия создавал для московского центра Братского двора. Поэтому не исключено, что эта информация появилась благодаря дополнительному уточняющему вопросу составителя сочинения, обозначенного в «исследовательской программе» как «прочее кое-чего вопрошал». Принадлежность прежних пустынножителей к филипповскому согласию была, с точки зрения составителя Родословия, важным аргументом «благочестивости» «корня веры» старообрядцев Русского Севера.

В соответствии со вторым вопросом Симеона Гаврилова далее в «показании» помещены рассказы о чудесах и наличии нетленных мощей в пустынях: «Пустынные жители смотрели в той пустыни («на хребте». – М. П.) нетленных... которые уже было померли 30 лет. Один оказался совершенно хорош, цел был, а у другаго точию губка немножечко погнила» (л. 145). Информатор добавил, что узнал об этом от своего дяди Ермолая Савича, который жил в пустыни, а также объяснил причину, по которой пустынножители организовали освидетельствование могил умерших: «Пустынные жители смотрели нетленных того ради, чтобы в христианстей вере утвердиться» (л. 145). Алексей Ананьич не только давал полные ответы, но и дополнял их собственными рассуждениями и объяснениями.

Четко сформулированный следующий вопрос составителя о фактах гонений на старообрядцев позволил включить в Родословие конкретные сведения о разорении пустыни на р. Юрас в 1825 г. и р. Попье в 1828 г.: «А пустыня была большая в хребте по реке Попье, подобно деревне. Кони были и коровы. А назать тому 67 лет, то есть в 7336 (1828) году, разорили ету пустыню на Попье исправник Бутаков с понятами с деревенскими мужиками со многими людьми. Приезжали на самую Пасху во время заутрени. Пели. Много людей было в той пустыне с Пинеги и с Двины. А некоторые убежали» (л. 145 об.). Особая значимость события была подчеркнута тем, что оно происходило на Пасху. Подводя итог своему рассказу о гонениях на старообрядцев, информатор заключил: «Такия были гонения и разорения неоднократно на нашу пустыню в Росохах на хребте» (л. 145 об.). Это замечание свидетельствует, что он явно соотнес свой рассказ с вопросом Симеона Гаврилова.

Далее, как и предполагала «исследовательская программа», информатор остановился на проблеме отношения местных старообрядцев к бракам. Констатируя, что в настоящее время его единоверцы лояльно относятся к фактам заключения браков, Алексей Ананьич сообщил, что подобная практика распространилась относительно недавно: «А прежде новоженов не принимали и долго томили, а стали принимать назать тому годов с 55 (в середине XIX в. – М. П.)» (л. 146). Умело заданный вопрос составителя Родословия позволил не только избежать подробного повествования о «брачниках», которые, с точки зрения филипповцев, не могли считаться хранителями «благочестия», но и подчеркнуть, что раньше супру-

ги-старообрядцы находились на особом положении в общине и не допускались к совместным трапезам и молениям с «истинными христианами». Симеон Гаврилов включил и мнение информатора о причине формирования терпимого отношения к бракам: «Тогда, когда было лютое гонение при царе Николае Павловиче, тогда сажали христиан в тюрьму на год и на пол года и на месяц. Даже и старухи некоторые за христианскую веру по году сидели в тюремном замке. Да и розгами секли за веру христианскую. Того ради и стали новоженев принимать, чтобы во отлучении во острогах не померли. Так с той поры и пошло, новоженев стали принимать» (л. 146). По-видимому, составителю Родословия важно было подчеркнуть, что терпимое отношение к «брачникам» никак не связано с оскудением «благочестия», а объясняется исключительно внешними обстоятельствами.

Ответ на 5-й вопрос Симеона Гаврилова о связях пинежцев со столичными старообрядческими центрами завершает «Показание» Алексея Ананьича в Родословии 1896 г. Согласно сведениям этого информатора, многие местные староверы бывали в Петербурге. При этом он подчеркнул, что в столице пинежские старообрядцы молились только в филипповской моленной, и уточнил, в какой именно: «Была моленна на Васильевском острову в доме Сусленникова» (л. 146). Алексей Ананьич назвал имена четырех пинежцев, которые в свое время регулярно посещали филипповскую моленную в Петербурге. Двое из них – Данила Щеголихин и Данила Кобылин, согласно его рассказам, даже были там духовными отцами. Таким образом, в «Показании» акцентировалось внимание на тесной связи пинежцев с петербургскими филипповцами и подчеркивалось, что из всех старообрядческих согласий, представленных в столице, самым близким для жителей Русского Севера было филипповское. С точки зрения Симеона Гаврилова, это являлось еще одним аргументом в пользу «истинности» «корня веры» старообрядцев Русского Севера.

Таким образом, анализ «Показания» Алексея Ананьича в Родословии 1896 г. свидетельствует о том, что рассказ информатора построен в соответствии с вопросами, сформулированными Симеоном Гавриловым в предисловии к сочинению. Эти вопросы определили

логику изложения материала и позволили получить необходимые сведения о первых пинежских пустынножителях, чудесах, фактах «гонений» на староверов и т. п. С точки зрения составителя сочинения, все это должно было свидетельствовать о «благочестивости» веры старообрядцев Русского Севера. Подобным образом написаны и остальные «показания», следовательно, и вопросы задавались всем информаторам. Так же последовательно писатель-старообрядец реализовывал и другие принципы своей «исследовательской программы». Он не включал в Родословие противоречивых сообщений, считая их недостоверными, уточнял сообщенные одним информатором сведения у других старообрядцев. В результате Симеоноу Гаврилову удалось собрать уникальный материал по истории старообрядчества Русского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1996.
2. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 183–204.
3. Мангилев П.И. «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири» (Исследование. Текст. Комментарии) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2005. Вып. 6: От средневековья к современности. С. 328–414.
4. Першина М.В. «Родословия» северодвинских старообрядцев // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 87–106.
5. Першина М.В. Северодвинские старообрядцы и Братский двор // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 116–138.
6. Крамми Р. Историческая схема выгорецких большевиков // Традиционная духовная и материальная культура старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 90–96.
7. Юхименко Е.М. «История о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова – памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 107–113.